

НѢСКОЛЬКО ЧЕРТЪ ДЛЯ БЮТРОФІИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬВИЧА ГОГОЛЯ.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился, въ 1808 году, въ деревнѣ Васильевкѣ, Миргородскаго Уѣзда, Полтавской Губерніи. Отецъ его былъ небогатый помѣщикъ, чиномъ коллежскій ассессоръ. Всего у него было во владѣніи восемьдесятъ ревизскихъ душъ; но, будучи отличнымъ, по своему времени, хозяиномъ, онъ получалъ съ имѣнія сравнительно хорошіе доходы, и слѣловательно поэтъ нашъ въ дѣтствѣ не зналъ бѣдности. Впрочемъ, судя по простотѣ жизни малороссійскихъ помѣщиковъ прежняго времени, не должно предполагать, что ему былъ извѣстенъ подъ домашнимъ кровомъ комфортъ, какимъ въ столицахъ, или въ деревенскихъ усадьбахъ, знакомыхъ съ цивилизаціею, люди, даже вовсе небогатые, пользуются нынче. Еслибъ мы захотѣли вообразить обстановку дѣтскихъ лѣтъ Гоголя, то никакъ не должны подниматься выше простаго деревенскаго быта, который онъ съ такою прелестью изобразилъ въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ». Можетъ-быть, онъ рисовалъ съ природы и поюція двери, и глиняные полы, и экипажъ, дающій своимъ звяканьемъ приказчику знать о приближеніи господъ, и продавленные стулья, внушившіе ему такой чудный идилическій разговоръ Аѳанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной. Можетъ-быть, даже это портреты какихъ-нибудь почтенныхъ дѣдушекъ и бабушекъ, которые мирною жизнью, исполненною тихой любви, дѣлѣли дѣтское сердце поэта, какъ теплая, свѣтлая осень дѣлѣетъ молодые посѣвы. Какъ бы то ни было, только мальчикъ былъ одаренъ необыкновенно-впечатлительною натурою и уже съ того времени набирался картинъ и образовъ, которые впоследствии такъ роскошно засіяли подъ его кистью. Послушайте, что говорить самъ онъ о своей дѣтской впечатлительности.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка, любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли домъ, извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесанной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ, обывательскихъ домиковъ, круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, фронтъ ли уѣздный, попавшійся среди города — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и высунувши носъ изъ походной телеги своей, я глядѣлъ на невиданный дотоѣ покррой какого-нибудь сюртука и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ кон-

фектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибирскѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносилъ за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумался: Куда онъ идетъ? на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобъ, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ вѣдѣть разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монастыхъ, или мальчишкѣ въ толстой курткѣ, принесетъ, уже послѣ супа, салную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помещика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню, или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помещичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать, кто таковъ самъ помещикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкими дѣвическими смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицей, и черюглазы ли онѣ, и весельчакъ ли они самъ, или хмурень какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу (*).

Таковъ былъ Гоголь-ребенокъ. Если бы судьба бросила его въ миръ круглымъ сиротою, то съ этимъ инстинктомъ всматриваться во все его окружающее, съ этимъ даромъ строить изъ виданнаго невиданное, онъ во всякомъ случаѣ былъ бы, такъ или иначе, художникомъ; но судьба никогда не вооружалась противъ этого человѣка, а въ дѣтствѣ благопріятствовала развитію его таланта болѣе, нежели когда-нибудь.

Отецъ его былъ тоже человѣкъ замѣчательный. Онъ обладалъ даромъ, рассказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось, и приправлялъ свои рассказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича, онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассесора, что въ провинціи и еще въ тогдашней провинціи было рѣшительнымъ доказательствомъ, во первыхъ, умственнаго превосходства, а вторыхъ — бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности — теоретической или практической, все равно; но кромѣ того, мы имѣемъ еще другое доказательство высшаго умственнаго его развитія, о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ-образомъ занимательность его рассказовъ объясняется не однимъ врожденнымъ краснорѣчіемъ: онъ много зналъ, много видѣлъ и много испыталъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ бы то ни было, только Васильевка его

(*) «Мертвые Души», изд. 1846, стр. 207—9.

сдѣлалась центромъ общественности всего околотка. Гостеприимство, умъ, краснорѣчивая говорливость и рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда всѣхъ близкихъ и далекихъ сосѣдей. Тутъ-то бывали настоящіе «вечера на хуторѣ», которые Гоголь помѣстилъ по особенному обстоятельству возлѣ Диканьки; тутъ-то онъ выдалъ этихъ неистощимыхъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудаго Панька.

Надобно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, дѣтъ тридцать назадъ, чтобъ постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только слышишь складъ рѣчей и голоса, которыми онѣ говорились, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною, или благоуханіемъ сотовъ, атмосферу, въ которой жили эти прототипы гоголевой фантазіи.

Вообще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ многое, что окружало его въ дѣтствѣ, почти въ томъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Тутъ еще не было художественнаго воспроизведенія предметовъ, разбросанныхъ по цѣлому міру. Поэтому его «Вечера на Хуторѣ» и нѣкоторыя пьесы въ «Миргородѣ» и въ «Арабескахъ», при всей незрѣлости своей, имѣютъ для насъ теперь особенный интересъ. Тутъ изъ-за картинъ выглядываетъ самъ художникъ, тогда-какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ, силою своего таланта, поставилъ изображенныя имъ лица, предметы и характеръ внѣ всякаго сближенія съ самимъ собою, кромѣ, развѣ, оригинальныхъ украшеній языка, съ которыми онъ никогда не могъ разстаться. Здѣсь онъ дитя, невольнo-высказывающееся въ своей наивности; тамъ онъ мужъ, безпристрастно и вслѣдствіе высшихъ соображеній выражающій поэтическія истины.

Итакъ мы имѣемъ уже понятіе о первоначальной школѣ, въ которой талантъ Гоголя получилъ первыя характерныя черты свои. Вслѣдствіи сцена его наблюденій и переимчивости расширилась. Въ сосѣдствѣ деревни Васильевки, именно въ селѣ Кибицахъ, (*) поселился извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, гений своего рода, который изъ бѣднаго казачьяго мальчика умѣлъ своими способностями и заслугами возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути отъ бѣдности къ богатству и отъ темнаго быта къ сферѣ высшей въ государствѣ, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Какъ и когда познакомился съ нимъ отецъ Гоголя, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что онъ былъ у Трощинскаго домашнимъ человѣкомъ. Естественно, что такой умъ и такой даръ слова, какими обладалъ сосѣдъ, не могли быть оставлены безъ вниманія бывшимъ жителемъ столицы. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково-интересующаго.

(*) Недалеко отъ знаменитаго мѣстечка Сорочинцы.

Въ то время Котляревскій только-что выступилъ на сцену съ своею «Наталкою Полтавкою» и «Москалемъ Чаривникомъ», пьесами, до сихъ-поръ неисключенными изъ репертуара провинціальныхъ и стовличныхъ театровъ. Комедіи изъ родной сферы, послѣ переводовъ и передѣлокъ съ французскаго и нѣмецкаго, понравились малороссіянамъ, и не одинъ богатый помѣщикъ устраивалъ для нихъ домашній театръ. Собственная ли это его была затѣя, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву—не знаемъ; только старикъ-Гоголь былъ дирижеромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языкѣ.

Къ-сожалѣнію, все это считалось не болѣе, какъ шуткою, и никто не думалъ сберегать игравшіяся на кибинскомъ театрѣ комедіи. Единственные слѣды этой литературной дѣятельности мы находимъ въ эпиграфахъ къ «Сорочинской Ярмаркѣ» и къ «Майской Ночи». Между этими эпиграфами есть нѣсколько стиховъ изъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, которыхъ имена подъ ними и подписаны. Подъ остальными эпиграфами сказано только: «Изъ малороссійской комедіи». Сколько намъ извѣстна печатная и письменная малороссійская литература до появленія «Вечеровъ на Хуторѣ», эпиграфы эти не принадлежатъ ни одной пьесѣ. То же самое должно сказать и о двухъ эпиграфахъ къ «Сорочинской Ярмаркѣ», подъ которыми подписано: «Изъ старинной легенды» и «Изъ простонародной сказки». Весьма быть можетъ, прямыхъ доказательствъ мы не имѣемъ, что все это отрывки изъ сочиненій гоголева отца. Во всякомъ случаѣ, Николай Васильевичъ въ самомъ раннемъ возрастѣ былъ окруженъ литературною и театральною сферою, и такимъ-образомъ тогда уже былъ для него намѣченъ предстоявшій ему путь. Онъ, можно сказать, подъ домашнимъ кровомъ получилъ первые уроки декламации и сценическихъ приѣмовъ, которыми впоследствии восхищалъ близкихъ своихъ пріятелей (*). Онъ вступилъ въ первое учебное заведеніе уже съ ясными понятіями о литературѣ и театрѣ. Дѣйствительно, въ Нѣжинской Гимназіи мы находимъ его уже прямымъ писателемъ, даже журналистомъ и отличнымъ актеромъ.

Однакожь, прежде, нежели расскажемъ, какъ все это было, мы должны вспомнить, для точности своего повѣствованія, что Гоголь былъ сперва опредѣленъ въ Полтавскую Гимназію, а оттуда уже поступилъ сперва своекоштнымъ пансіонеромъ, и черезъ годъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко, что нынѣ Нѣжинскій Лицей. Причиною этого перевода были особенныя

(*) Во время пребыванія Гоголя въ Римѣ, одинъ изъ русскихъ художниковъ, вслѣдствіе продолжительной болѣзни, впалъ въ крайне-затруднительныя обстоятельства. Гоголь, чтобъ сколько-нибудь помочь ему, пока поспѣетъ пособіе изъ родины, читалъ за деньги, въ пользу его, своего «Ревизора» для всѣхъ Русскихъ, находившихся тогда въ Римѣ. Этотъ фактъ, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ мастерствѣ его читать, а съ другой, о благородствѣ души его.

права, присвоенныя Нѣжинской Гимназіи, а также и смерть старшаго гоголева брата въ Полтавѣ. Полтава для родителей Гоголя сдѣлалась мѣстомъ горестныхъ воспоминаній, и это обстоятельство было причиною, что Нѣжинскій Лицей сдѣлался мѣстомъ образованія одного изъ лучшихъ современныхъ намъ писателей.

Гоголь былъ вѣжно привязанъ къ брату и упоминалъ о немъ съ глубокимъ чувствомъ въ бесѣдѣ съ своими соучениками, изъ которыхъ, впрочемъ, весьма-немногіе пользовались его бесѣдой. Ни о комъ никогда онъ не писалъ съ такой любовью, чуждою комическаго покроя, какъ объ Андреѣ. Можетъ-быть, его, прекраснаго и въ безжизненномъ видѣ, оставилъ онъ намъ памятникомъ братской любви своей и долгихъ сожалѣній.

Заговоривъ о пребываніи Гоголя въ Лицеѣ, мы приблизились къ той порѣ его жизни, о которой воспоминанія его соучениковъ ясны и живы. Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской Гимназіи, у водъ поросшей камышемъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грезы о Запорожьи. Онъ—любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость; но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому безъ всякой причины. При всемъ этомъ онъ былъ еще страшный неряха. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У всякаго другаго это было бы глупо и скучно; у него это перерабатывалось въ горнилкѣ юмора. Слово его было такъ метко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое составленіе. Онъ заклеивать, бывало, противника какии-нибудь неслыханнымъ дотогѣ прилагательнымъ—и оно прирастаетъ къ нему навсегда. Но такіе случаи были рѣдки. Гоголь любилъ своихъ товарищей вообще и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ онъ впоследствии изъ глубины души восклицалъ: «О моя юность! о моя свѣжесть!» (*), что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни объ одномъ изъ нихъ не отзывался онъ съ холодностью или неприязнью, и судьба каждаго интересовала его въ высшей степени.

О Гоголѣ бывшіе наставники его отзываюся, какъ о мальчикѣ скромномъ и хорошаго поведенія; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не оцѣнивался жесткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его,

(*) «Мертвыя Души», стр. 209.

что-называется, «смирною овечкою». Маленькія злыя, ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что онъ рассказываетъ въ «Мертвыхъ Душахъ» о гусарѣ, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ-быть, не всѣ такъ изучили каждую страничку его произведеній, какъ мы, и, можетъ-быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ его воображеніи при воспоминаніи о гусарѣ. Картина же эта живо рисуется и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь рассказываетъ о томъ, какъ дамы губернскаго города N, по случаю странныхъ подозрѣній насчетъ Чичикова, «умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту (продолжаетъ онъ) было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то-есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ повѣять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ и съ освѣжившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блестящими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятами, завывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ» (*).

Эти блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ живо напоминаютъ тому, кто знаетъ, мѣстность Пѣжинскаго Лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащій тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаемся на соучениковъ Гоголя, не помнятъ ли они при этомъ косвенномъ лучѣ солнца золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ дѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью «всѣхъ наслажденій бытія», набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣятельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечно оно въ гоголевой картинѣ.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Пѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ, а между-тѣмъ, онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень-слабъ, такъ-что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ по-

(*) «Мертвыя Души», стр. 360—361.

читать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ читалъ и впоследствии какое-то отвращеніе. Онъ шутилъ говаривалъ, что онъ «не вѣрять, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно, на какомъ-нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобъ на нѣмецкомъ». Вспомните слова его: «По-англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птица и даже «физиономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физиономіи» (*). Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

Зато въ рисованьи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ гимназій было тогда, и до-сихъ-поръ (въ лицей) есть нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ учителя рисованья, человѣка необыкновенно-приверженнаго къ своему искусству (**), и будучи подготовленъ въ этому практически, Гоголь уже въ школь получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впоследствии онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ отдѣльныхъ статьяхъ своихъ, и уже съ того времени предметы стали обрисовываться для его глаза такъ опредѣлительно, какъ видятъ ихъ только люди, знакомые съ живописью.

Что касается до литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы г-на Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ гимназій, только второю половиною своего имени: *Яновскій*. О первыхъ мы молчимъ, такъ-какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются опытностью, разумѣется, ученическаго пера и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его печатныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстью. Слово въ ту эпоху вообще было еще какою-то новостью, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей, казался восхитительною забавою. Это было время появленія первыхъ главъ «Евгенія Онѣгина», время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзій, который Пушкинъ и его блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Первый опытъ Гоголя, извѣстный соученикамъ его, былъ—трагедія «Разбойники», написанная пятистопными ямбами. Впрочемъ, нѣтъ: еще до того времени, когда Гоголь въ своемъ ученическомъ кругу сдѣлался настоящимъ литераторомъ, онъ читалъ одному изъ друзей своихъ наизусть стихотворную

(*) «Мертвые Души», стр. 313.

(**) Это былъ К. С. Павловъ, отъ котораго мы многое узнали о Гоголѣ.

балладу, подъ заглавіемъ : «Двѣ Рыбки». Въ этой балладѣ онъ изобразилъ, подъ двумя рыбками, судьбу свою и своего брата—очень-трогательно, сколько помнитъ его единственный слушатель. Что касается до трагедіи, то она принята была съ восторгомъ и возвысила Гоголя въ общемъ мнѣніи товарищей, по-крайней-мѣрѣ, на столько, на сколько впоследствии возвысила его въ литературѣ «Мертвые Души». Неограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что всего важнѣе, сдѣлать обертку наподобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: *Замѣда*. Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ, перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ «Звѣздѣ», между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя : *Братья Твердиславичи* (подражаніе повѣстямъ, появившимся въ тоглашнихъ современныхъ альманахахъ) и разные его стихотворенія. Все это написано было такъ-навываемымъ «высокимъ» слогомъ, изъ-за котораго блись и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ : въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ-низкимъ. По журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ гимназій одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта—словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ видъ альманаха и издалъ подъ заглавіемъ : «Парнасскій Навозъ». Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьезному подражанію журналамъ и работалъ надъ обертками очень-усердно въ-теченіе полугода или болѣе.

Новое литературное направленіе заставило его бросить журналистику. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ Тропинскаго (*), и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актѣромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищей, такъ-что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ : другаго ни-

(*) Подъ заглавіемъ : «Собака-Вивца» (Собака-Овца). Содержаніе ея основано на слѣдующемъ анекдотѣ. Мужикъ велъ на ярмарку для продажи овцу; двое солдатъ пристали къ нему и увѣрили его, что это собака ихъ майора, такъ-что мужикъ не только отдалъ имъ овцу, но еще и *копу трѣшмой* (полтнну мѣду), чтобъ только *одкарскаливъ* (отстали).

кто не видалъ (*). Начальство гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанниковъ къ изученію французскаго языка и ввело въ репертуаръ гоголева театра французскія пьесы. Тутъ-то и Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, неприученнымъ къ нему съ дѣтства, кажется гораздо-труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія пьесы, однакожь, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роли старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ гимназіи, процвѣлъ, наконецъ, дотого, что на представленія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ нихъ помнятъ его досихъ-поръ въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно. Этому можно повѣрить. Кромѣ мимики, онъ умѣлъ перенимать голосъ другихъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ любилъ представлять одного старичка Б., котораго онъ звалъ въ Нѣжинѣ. Одинъ изъ его слушателей, никогда не видавшій этого Б., приходитъ разъ къ своему другу и видитъ какого-то старичка, который играетъ на коврѣ съ дѣтьми. Голосъ и манеры этого старичка тотчасъ напомнили ему представленія Гоголя. Онъ отводитъ хозяина въ сторону и спрашиваетъ, не Б. ли это? Дѣйствительно, это былъ Б.

Еще мы знаемъ автора «Мертвыхъ Душъ» въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была невелика, но тогдашніе журналы и книги не трудно было и при малыхъ средствахъ приобрести всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли «Сѣверные Цвѣты», издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе нѣкоторые журналы. Книжки выдавались библиотечаремъ для чтенія поочереди. Получившій для прочтенія книгу, долженъ былъ, въ присутствіи библиотечаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до-тѣхъ-поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало. Библиотечарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большою и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только вѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоценность, и особенно любилъ миньютюрныя изданія. Страсть къ нимъ дотого развилась въ немъ, что, велябу и незная математики, онъ выписалъ «Математическую Энциклопедію» Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только,

---

(*) Гоголь не только дирижировалъ плотниками, но самъ расписывалъ и декорации. Ученики жертвовали въ театральнй гардеробъ, кто что могъ. Между-прочимъ, была пожертвована кѣмъ-то пара заржавѣвшихъ и обломанныхъ пистолетовъ, замѣчательная по слѣдующему случаю. Однажды, передъ самымъ представленіемъ «Недоросля», Гоголь какъ-то задѣлъ своею шуткою одного изъ товарищей. Тотъ вспыхнулъ и отказался играть, а онъ игралъ роль Стародума. Ну, какъ безъ Стародума приступить къ представленію? Гоголь слѣдвалъ видѣ, что вышелъ изъ-себя; въ страшной нести онъ вызвалъ товарища на дуэль и подаль ему театральные пистолеты безъ курковъ. Базили разсмѣялся и сталъ играть.

что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ, но первое изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» еще отзывается ею.

Гоголь окончилъ курсъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Беабородко въ 1828 году, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса и уѣхалъ на родину, а оттуда въ началѣ 1829 года — въ Петербургъ. Повинуясь прежнему настрою души, онъ пробовалъ здѣсь поступить на сцену въ число актеровъ, но не выдержалъ пробы — что надобно приписать робости молодого человѣка, невидавшаго свѣта — и оставилъ театръ послѣ первой, неудачной репетиціи. Гоголь не зналъ, что съ собой дѣлать, и рѣшился ѣхать за границу: его манилъ просторъ свѣта, какъ всякаго юношу; онъ еще не умѣлъ отдавать себѣ хорошенько отчета въ своихъ предпріятіяхъ; онъ бросался во все стороны, чувствуя въ себѣ силы и ища поприща для дѣятельности. Это было истинно-фантастическое путешествіе, потому-что у будущаго писателя не было на дорогу денегъ; онъ доѣхалъ только до Гамбурга и долженъ былъ воротиться въ Петербургъ. Гоголь жилъ тогда въ Мѣщанской противъ Столярнаго Переулка, въ домѣ каретника Юхима, въ четвертомъ этажѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ ближайшихъ своихъ пріятелей. Каково было удивленіе этого пріятеля, когда онъ, воротясь вечеромъ отъ знакомаго, увидѣлъ за столомъ великаго путешественника, сидѣвшаго съ лицомъ, закрытымъ руками! Разспрашивать, какъ и что, было бы напрасно, и такимъ-образомъ обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни Гоголя, остались тайною.

Это было самое тяжкое время для нашего поэта. Отецъ его умеръ еще до выхода Гоголя изъ гимназіи; имѣніе, поддерживаемое его дѣятельностью, приносило теперь доходъ, едва достаточный для содержанія матери и двухъ сестеръ его. Гоголь не требовалъ изъ дома денегъ, перебивался въ Петербургѣ кое-какъ и долженъ былъ, оставя артистическія заѣты, обратиться къ жизни болѣе-положительной. 10-го апрѣля 1830 года, онъ опредѣлился на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто помощника столоначальника; но оставался здѣсь недолго. Онъ досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу съ просьбою позаботиться о немъ. Г. Плетневъ былъ тогда инспекторомъ Патріотическаго Института и исходатайствовалъ у Ея Императорскаго Величества для Гоголя въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго учителя исторіи, которое онъ и занялъ съ 10-го марта 1831 года. Чтобы доставить ему болѣе средствъ для жизни, г. Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома А. В. Васильчикова и П. И. Балабина, къ которымъ поэтъ до конца жизни сохранялъ самыя дружескія чувства. Вслѣдъ за этимъ Гоголь сдѣлался извѣстенъ барону Дельвигу и Пушкину, которые были заинтересованы первыми литературными его опытами. Все они содѣйствовали, какъ совершенствованію его таланта, такъ и возвышенію по службѣ.

Въ 1834 году 24-го іюля, по предложенію министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова (нынѣ графа) Гоголь былъ опредѣленъ адъ-

юнктомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи при Санктпетербургскомъ Университетѣ, но оставался въ этой должности только около полутора года. Онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассессора, и съ этого времени началась его странническая жизнь.

Никто, однакожь, изъ его покровителей не зналъ о стихотворномъ сочиненіи, которымъ онъ началъ свое печатное поприще, и до-сихъ-поръ оно было извѣстно только одному человѣку, если не считать неграмотнаго гоголева слуги, малороссіянина Якима. Это *Ганцъ Кюхельгартенъ, идиллія въ картинахъ*, написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году. Гоголь издалъ ее вскорѣ по пріѣздѣ въ столицу, подъ псевдонимомъ *В. Алова* и роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на комиссію. Прежде нежели кто-либо успѣлъ купить сочиненіе никому неизвѣстнаго Алова, покойный Полевой прихлопнулъ его своею критикою въ «Телеграфѣ», и Гоголь понялъ, что этотъ родъ сочиненій для него не годится. Будущій авторъ «Мертвыхъ Душъ», какъ-бы предчувствуя свои успѣхи, боялся уронить свою литературную репутацію на первыхъ порахъ, и осторожно прикрываясь тайною и псевдонимами, пробовалъ себя въ разныхъ родахъ сочиненій. Прочитавъ рецензію Полеваго, онъ тотчасъ, въ сопровожденіи вѣрнаго своего слуги Якима, отправился по книжнымъ магазинамъ, собралъ экземпляры, нанялъ въ гостинницѣ номеръ и сжегъ всѣ до одного.

Намъ, однакожь, удалось у одного изъ старыхъ друзей Гоголя найти одинъ экземпляръ этой рѣдкой книги. Она была прислана авторомъ этому другу *incognito*, и никогда между ними не было о ней помину. Книжка была брошена, въ числѣ другихъ негодныхъ для чтенія, въ шкафъ, и покоилась тамъ мирнымъ сномъ двадцать-три года, пока хозяинъ узналъ отъ пишущаго эти строки, чье это сочиненіе. Предисловіе къ «Ганцу Кюхельгартену» замѣчательно въ разныхъ отношеніяхъ и потому мы его здѣсь выпишемъ.

«Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, еслибъ обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это—произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ-сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали боги пылнѣ-разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По-крайней-мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что позволено жности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта».

Русская публика почти вовсе не знаетъ, какъ владѣлъ Гоголь стихомъ. Только въ повѣсти «Майская Ночь» помѣщена одна строфа. Представляемъ выдержку изъ «Ганца Кюхельгартена»:

«Такъ въ заключеніи школьникъ жаетъ,
Когда желанный срокъ прійдетъ.
Лѣта къ концу его ученья —
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ.»

Онъ независимый, онъ вольный,
 Собою и міромъ всѣмъ довольный;
 Но, разставаяся съ семьей
 Своихъ товарищей, душой
 Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой,
 И размышляетъ онъ и стонетъ
 И съ невыразною тоской
 Слезу невольную уронить.» (Стр. 70.)

Мы обязаны какъ этимъ открытіямъ, такъ и большею частью собранныхъ нами свѣдѣній о первомъ періодѣ жизни Гоголя — Н. Я. Прокоповичу, соученику и одному изъ ближайшихъ друзей его. Прокоповичъ былъ неразлучнымъ спутникомъ Гоголя отъ самаго вступленія его въ гимназію до выѣзда за границу. Ни о комъ Гоголь впоследствии не отзывался съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этомъ свидѣтелѣ его первыхъ усилій продолжить дорогу въ жизни, и никто не зналъ такъ Гоголя, какъ г. Прокоповичъ.

Въ то же самое время, когда былъ сожженъ несчастный «Ганцъ», или вскорѣ послѣ того, Гоголь написалъ для Свинына статью «Полтава», напечатанную въ тогдашнихъ крошечныхъ «Отечественныхъ Запискахъ». Къ этому же времени относится безыменное его стихотвореніе *Италія*, помѣщенное въ «Сынѣ Отечества» 1829 года и написанное еще въ Нѣжинѣ. Въ концѣ 1830 года напечатана была въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ его статья, подъ заглавіемъ: *Глава изъ Историческаго Романа*, написанная уже со всѣми признаками несомнѣннаго таланта. Въмѣсто имени автора, подъ нею подписаны буквы или цифры: 0000. Въ первомъ номерѣ «Литературной Газеты» на 1831 годъ напечатана несравненно-слабѣйшая пьеса его: *Учитель. Изъ мало-россійской повѣсти: Страшный Кабанъ*. Здѣсь употребленъ былъ псевдонимъ: *Глечикъ*. Въ томъ же номерѣ другая статья его: *Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтлымъ Географіи*, подписана именемъ *Г. Яновъ* (*), Далѣе въ 4-мъ номерѣ «Газеты» мы находимъ статью *Женщина*, уже подъ его собственнымъ именемъ. Авторъ очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣроятно, считалъ это молодое произведеніе вполне-достойнымъ своего имени.

Въ эти первые годы онъ работалъ очень-много, потому-что къ маю 1831 года у него уже готово было нѣсколько повѣстей, составлявшихъ первый томъ *Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки*. Незная, какъ распорядиться съ этими повѣстями, Гоголь обратился за совѣтомъ къ П. А. Плетневу. Г. Плетневъ хотѣлъ оградить юношу отъ вліянія литературныхъ партій и въ то же время спасти повѣсти отъ прелубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ, и не получили о немъ высокаго понятія. Поэтому онъ присоветовалъ Гоголю, на первый разъ, строжайшее инкогнито и придумалъ

(*) Еще двѣ неподписанныя Гоголемъ статьи напечатаны въ первой книжкѣ «Современника» Пушкина 1836 года, подъ заглавіемъ: *О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ*, и во второй книжкѣ «Современника» (издана по смерти Пушкина) 1837 года: *Петербургскія Записки 1836 года*.

для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились на свѣтъ, «Повѣсти, издаанныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ», который будто бы жилъ возлѣ Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею. Книга была принята огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть «Вечеровъ на Хуторѣ». Пасичникъ Рудый Панько очевидно былъ одобренъ первымъ приѣмомъ и разболтался въ предисловіяхъ ко второй книжкѣ еще любезнѣе (*).

Исчислять дальнѣйшія сочиненія Гоголя было бы излишне. Кто въ состояніи забыть, когда онъ въ первый разъ прочиталъ «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ», или «Невскій Проспектъ», или «Ревизора»? Но здѣсь, кромѣ того, наступаетъ второй періодъ жизни Гоголя, имѣющій особенный характеръ и основывающійся на другихъ вліяніяхъ. Дѣятельность его приняла широкіе размѣры. Собрать матеріалы для изображенія этой эпохи нужно уже не въ тѣсныхъ границахъ домашняго захолустья, или школы.

Ш Х Е Р Ы.

Статья четвертая.

Народные обряды: свадьба и похороны. — Ивановъ-день. — Группа острововъ Пеленг-э. — Гласкольмскій маякъ и его смотритель. — Пеленг-энскіе лоцмана. — Городъ Ловиза. — Почтовая вѣда. — Литература и чухонскіе стихи. — Частная жизнь Ловизцевъ. — Чуртовы шхеры. — Ловъ салаки и тюлений. — Постройка лайбы.

Получивъ приглашеніе на свадьбу къ рыбаку сосѣдняго острова, мы, многолюднымъ обществомъ, отправились на катерѣ. Мой «Пиратъ» забился подъ скамью гребцовъ и такъ унизительно поглядывалъ на меня; что я не могъ отказать ему въ удовольствіи *поцумать* на свадьбѣ. Приѣхали. Входимъ въ одну хижину: она представляетъ *танцевальный залъ*; стѣны и потолокъ обиты бѣлымъ холстомъ, символомъ невинности. На импровизированныхъ шпалерахъ этихъ приколоты гирлянды живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ и зелени. Вообще вся комната лишена эффекта. Другая хижина, по сосѣдству, представляетъ *столовую* и точно такъ же убрана холстомъ, гирляндами, занавѣсками на ок-

(*) Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ, какъ авторъ «Вечеровъ на Хуторѣ», 19 февраля 1832 года, на извѣстномъ обѣдѣ А. С. Смирдина, по случаю перенесенія его книжнаго магазина отъ Смигдо-Моста на Невскій Проспектъ. Гости подарили хозяина разными пьесами, составившими альманахъ «Новоселье», въ которомъ помѣщена и Гоголева *Повѣсть о томъ, какъ посорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*.